

УДК 82.0=111"7129"(73)

ТРАКТОВКА ФЕНОМЕНА СМЕРТИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ МИРЕ Ч. ПАЛАНИКА

Екатерина Р. Чемезова^{1, @}

¹ Гуманитарно-педагогическая академия (филиал) Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского в г. Ялте, Россия, 298635, г. Ялта, ул. Севастопольская, 2-А

@ chemezova4@gmail.com

Поступила в редакцию 01.12.2016.

Принята к печати 18.01.2017.

Ключевые слова: феномен смерти, художественный мир, мир живых, мир мёртвых, современная американская литература, Ч. Паланик, постмодернистский роман.

Аннотация: Статья посвящена трактовке феномена смерти в современной американской литературе на материале произведений Ч. Паланика. В статье проанализированы подходы к феномену смерти в разных областях знаний, таких как философия, социология, медицина. Описывается освещение темы «жизнь после смерти» в отечественной и зарубежной художественной литературе. Рассматривается место феномена смерти в художественном мире Ч. Паланика и его влияние на мироощущение персонажей. Смерть в художественном мире определяет отношение персонажей друг к другу, их присутствие/отсутствие на том или ином уровне художественного мира, процесс перехода из мира живых в мир мёртвых и наоборот. От репрезентации феномена смерти в произведениях Ч. Паланика зависит становление героев в мире живых и мире мёртвых. Граница между миром живых и миром мёртвых практически незаметна, и переход между мирами осуществляется по определённым законам художественного мира, которым следуют персонажи романов. Анализу подвергаются несколько произведений Ч. Паланика, написанных в разные периоды его творчества. В статье исследуются различия и сходства в авторской трактовке смерти и её значения в ранних («Бойцовский клуб», «Колыбельная») и последних («Проклятые», «Обречённые») романах автора. В ранних романах Ч. Паланика смерть представляет как процесс физиологичный, имеющий анатомические подробности, но в то же время умирание – это исход души из тела. Последние романы автора отличаются тем, что показывают читателю не только жизнь и её окончание, но и продолжение жизни после смерти.

Для цитирования: Чемезова Е. Р. Трактовка феномена смерти в художественном мире Ч. Паланика // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 2. С. 216 – 222. DOI: 10.21603/2078-8975-2017-2-216-222.

Трактовка феномена смерти в художественной литературе занимает важное место благодаря её связи с онтологией. Этот вопрос рассматривали многие исследователи. Так, например, М. М. Бахтин упоминает об амбивалентности данного феномена, указывая, что в произведениях ранней литературы «гибель, смерть воспринимается как посев, за которым следуют умножающие посеянное всходы и жатва» [1]. Как отмечает Е. А. Денисова, «страх смерти первобытного человека отличается от того страха, который испытывает к смерти человек современный. <...> этот страх скорее можно назвать „онтологическим” страхом, страхом не перед индивидуальной смертью, а страхом перед непредсказуемостью и неизбежностью феномена смерти, с которым сталкивается род в факте смерти одного из членов общины. Это отличает страх смерти архаического человека от страха перед смертью, присутствующего в современной культуре» [2]. Следует отметить, что Смерть в современной литературе – это явление субъективное и переживаемое как социальная проблема. Кроме того, М. Хайдеггер писал, что «смерть, насколько она „есть”, по существу всегда моя» [3].

Общее, обыденное представление о смерти отражено в толковых словарях и популярных справочниках. В «Популярной медицинской энциклопедии» академика Б. Петровского смерть – это «необратимое прекращение жизнедеятельности организма, неизбежный естествен-

ный конец существования всякого живого существа» [4, с. 577]. А. Хорнби определяет смерть (death) как «dying, ending of life» [5, с. 154]. В «Толковом словаре символов» Д. Тресиддер пишет, что «смерть означает невидимый аспект жизни, всезнание, поскольку мертвые все видят. Смерть для живущих на земле предшествует духовному возрождению. В обрядах инициации тьма смертная испытывается прежде, чем родится новый человек, произойдет воскресение и реинтеграция. Смерть также является заменой одного способа существования на другой, воссоединением тела с землей, а души с духом. Князь Смерти часто изображается как скелет с мечом, косой, серпом и часами. Другие символы смерти: змея, саван, накидка, лев, скорпион, пепел, барабанщик. Смерть символизируется танцором, иногда очаровательной девушкой (в индуизме)» [6].

Многие специальные науки также занимаются этим феноменом. В «Новой философской энциклопедии» смерть определяется как «прекращение жизни, естественный конец единичного живого существа или насильственное умерщвление не только индивидов, но и целых видов животных и растений в силу экологических катастроф и хищнического отношения человека к природе. Поскольку человек, в отличие от других живых существ, сознает свою смертность, смерть выступает для него как конститутивный момент его жизни и мировоззрения.

В этом плане – с точки зрения осознания факта и смысла смерти как завершающего момента человеческой жизни – смерть главным образом и рассматривалась философией» [7]. Д. Джери, составитель «Большого социологического словаря», представляет понятия «смерть» и «умирание» в единстве как «прекращение жизни, которая на сегодняшний день определяется медициной как „смерть мозга“». Социологи с интересом изучали данное явление, особенно его социокультурные различия, <...> предполагающие прекращение принадлежности к социальным группам, форму „статусного перехода“» [8].

Так, из вышеуказанных определений следует, что смерть – это необратимое прекращение жизни и неизбежный конец, являющийся статусным переходом и осознаваемый как конститутивный момент жизни человека.

Важно подчеркнуть, что статусный переход является существенной частью феномена смерти. Именно поэтому в художественной литературе часто рассматривается феномен «жизнь после смерти» (afterlife). Актуальность рассмотрения феномена «afterlife» подтверждается в таких произведениях, как «Империя ангелов» [9] Б. Вербера, «Мои посмертные приключения» [10] Ю. Вознесенской, «Contract with an Angel» [11] А. Грили, «The Five People You Meet in Heaven» [12] М. Элбома, «Преисподняя» [13] Я. Цуцуи, «Проклятые» [14] и «Обречённые» [15] Ч. Паланика и др. Большинство романов, посвященных жизни после смерти, рассматривают нахождение человека в Раю, тогда как Ч. Паланик описывает в своих произведениях «послежизнь» в Аду.

Творчество Ч. Паланика в контексте современной американской литературы уже давно интересует многих исследователей вследствие глубины проблем, которые автор раскрывает в своих произведениях. Одним из нерешённых вопросов, связанных с романами Ч. Паланика, является особенность восприятия смерти и её роли в художественном мире произведений. Законы, которые определяют смерть и её репрезентацию в прозе Ч. Паланика, часто проходят лейтмотивом из романа в роман, переплетаясь и объединяясь между собой, несмотря на различный сюжетный облик текстов произведений.

Целью нашей статьи является изучение трактовки смерти в прозе Ч. Паланика. Автор творит в литературном направлении постмодернизма, и его романы всегда демонстрируют определённую хаотичность повествования, прежде всего связанную с игровым характером текстов. Игра заключается в создании эффекта диссонанса, связанного с размытостью границы между миром действительности и ирреальностью. Как отмечает Г. А. Флоров, «основной упрёк постмодернизму заключается в том, что он не выразил новую реальность в её новых формах, он „обозначил тупик“, так называемая реальность в постмодернистских книгах „демонтируется и исчезает“» [16].

Процесс перехода из мира в мир возможен лишь с опытом Смерти. Опыт Смерти также объясняет причину так называемого «уже-не-присутствия» [3] в мире живых некоторых персонажей, как отмечает М. Хайдеггер. Так, персонажи, пережившие смерть, обретают целостность, «присутствие <...> с его достигнутой в смерти целостностью есть тоже больше-не-присутствие в смысле больше-уже-не-бытия-в-мире» [3] живых. Именно поэтому мы можем говорить о корреляте присутствия и отсутствия. Так, следует указать, что присутствие

и отсутствие связывается прежде всего с художественным миром и его уровнями (реальный мир и антимир). Исходя из классического понимания присутствия и отсутствия героев в художественном мире, можно отметить, что находясь в мире живых, персонаж онтологически не способен присутствовать в мире мёртвых, и наоборот. Но Ч. Паланик изменяет это восприятие личности, обращаясь к приёмам магического реализма.

Сам коррелят отсутствия в произведениях Ч. Паланика довольно спорен, что связано с освещением того, чего нет, что более похоже на абсурд и пародию. Как указывает Г. Лушникова, «место действия в пародии превращается в сцену, действующие лица / персонажи – в актёров, а собеседники / читатели – в зрителей. Происходит изменение внешнего образа говорящих / персонажей» [17]. Кроме того, внимание акцентируется на том, что «герои пародии сохраняют внешний образ героев оригинала, но поскольку трансформируется содержание оригинала, трансформируется и внутренний образ героев оригинала. Происходит переход к непредсказуемым и неуместным высказываниям и поступкам» [17]. Так, в романе «Колыбельная» героиня Элен умирает, но душа её перемещается в тело «старого копа-ирландца» [18]. Если применять к данному случаю телесные категории, то фактически Элен как человека уже не существует, есть лишь чужое тело, в которое перемещена её душа. Здесь уместно вспомнить высказывание М. Бахтина о том, что довольно частым приёмом изменения статуса персонажей является осуществление перехода «в новый внешний образ, формирование нового внешнего образа» [1].

Похожую ситуацию фактического отсутствия мы наблюдаем и в романах «Проклятые» и «Обречённые», когда герои могут выходить в день Хэллоуина в мир живых. Они мертвы, их не существует для реального мира, они отсутствуют в нём, но благодаря автору они появляются в мире живых. Автор описывает карнавал праздника, доводя поведение персонажей до абсурда.

Как утверждает Ф. Штейнбук, «присутствие изначально содержит в себе возможность отсутствия» [19]. Поэтому присутствие онтологически предполагает наличие определённого места и времени, в котором находятся субъекты, и отсутствие предполагает собой обращение к хронологическим характеристикам художественного произведения. Отсутствуя в мире живых телесно и одновременно отсутствуя в мире мёртвых, главная героиня романа «Обречённые» может принимать любую форму, совершенно отличную от человеческих характеристик: «twisted inside a dark bulb, exactly the energy-efficient, eco-friendly option that my parents would choose, and the mercury tastes Ctrl+Alt+Foul» [20, с. 45]. Мэдисон рассказывает читателю, что она может принять форму скрученной стеклянной лампочки с энергосберегающей функцией, помещаясь в ней и жалуясь, что ртуть в лампочке отвратительна. Она подглядывает за неблагоприятным поступком своего отца, при этом давая читателям, «future dead persons» [20, с. 45] – «будущим мертвецам» [15], советы о том, как, будучи приведением, не попасть в ловушку энергосберегающей лампы. Кроме того, присутствуя как призрак в реальном мире, Мэдисон просит своих друзей через Твиттер, что им следует сделать «if [her] parents die during [her] yearlong absence» [20, с. 48] – «если родители умрут за год [её] отсутствия» [15]

в мире мёртвых – в Аду. У Ч. Паланика Твиттер используется для связи не только обитателей Ада, но и для адресации послания живым.

Наблюдая подобное рода многообразие ситуаций одновременного отсутствия и присутствия персонажей в мирах, мы можем утверждать, что одним из свойств художественного мира в романах Ч. Паланика является сингулярность, которая «заключается в отсутствии <...> связи и одновременной сопричастности с другими моментами бытия» [21], которые могут происходить как в мире реальном, так и в антимире (мире изнаночном).

Подобные фрагменты произведений позволяют говорить о специфике темпоральности как одной из характеристик художественного мира, которая демонстрируется в прозе Ч. Паланика. Отсутствие «характеризует момент, когда темпоральность осязаемого является чужой по отношению к осязающему» [21]. Ощувив темпоральность «чужого», соотнеся её со своей, субъект начинает воспринимать её как часть собственной темпоральности. Например, Карл Стрейтор в романе Ч. Паланика «Кольбельная» постоянно опасается, что «Сержант – это на самом деле Устрица, который прикидывается Элен, занявшей тело Сержанта. Когда [он с ней спит] – кто бы это ни был, – [он делает] вид, что это Мона. Или Джина. Так что в итоге всё уравнивается» [18, с. 125]. Главный герой не может точно описать темпоральность «чужого», поэтому он всячески привязывает личность «другого» к собственной личности, отчуждая нежелательные и неприемлемые для его восприятия окружающей действительности явления.

Так, мы наблюдаем изменение ощущения персонажами друг друга. И присутствие становится лишь результатом осознания инаковости как идентичности «Я» и «Другого». Персонажи Ч. Паланика, для того чтобы обозначить своё присутствие, всегда стремятся к тому, чтобы «Другой признал факт его свободы» [22]. Как только герой идентифицируется другими персонажами, мы можем говорить о том, что он присутствует в том или ином мире. Вне зависимости от того, мёртв герой или жив, он жаждет «получить признание своего бытия от Другого» [23]. Герои Ч. Паланика говорят, что они правят миром: «we're ruling the world. We're founding a dynasty» [24, с. 185] и для них «the only way to find freedom, is by doing the things you don't want to» [24, с. 187], а именно «how it feels to die. To be saved» [24, с. 190], «with every crime they're more and more alienated from the world» [24, с. 107]. Персонажи стремятся к обретению свободы во всем, ради этого они готовы пойти на смерть и на преступление, что и приводит их к отчуждению от мира.

Как только темпоральность в произведении меняется посредством Смерти, меняется статус персонажей в художественном мире и осуществляется переход из мира реального в антимир. В романе Ч. Паланика «Обречённые» главная героиня говорит по этому поводу следующее: «this is why the dead don't talk to the future dead. Predead folks always misconstrue every message» [20, с. 78]. Девочка пытается объяснить читателю, что живые всегда всё понимают неправильно, поэтому мертвецам разговаривать с ними не стоит. Подобная ситуация ярко демонстрирует различия в законах восприятия художественно-

го мира, разделяемого на мир «досмертных» [15, с. 71] и мир «послесмертных», находящихся в Аду.

Ч. Паланик в своих романах манифестирует смерть очевидного и привычного, показывая как художественный мир может преобразиться, если герои в нём могут пересечь так называемую границу между реальным миром и невидимым миром. Эта граница практически незаметна, в произведениях Ч. Паланика она преподносится столь естественно, что вполне вписывается в законы его художественного мира.

Момент перехода из мира в мир – это часть жизни персонажей, чаще всего подобным переходом становится смерть. Только благодаря смерти восприятие реальности героями меняется, им даётся возможность познания другого, «тёмного» [25] мира.

Темпоральность рассматривается в тесной связи с локальностью, поэтому с проявлением феномена двоемирия в прозе Ч. Паланика, следует актуализировать понятие «хронотоп». Хронотоп в романах Ч. Паланика способствует познанию жизненных явлений героями и, как очевидно, выполняет эпистемологическую функцию. Обращаясь к теории М. Бахтина, следует указать, что исследователь принимает кантовскую оценку значения пространства и времени как необходимых форм всякого познания, но в отличие от И. Канта понимает их не как «трансцендентальные», а как «формы самой реальной действительности». Он стремится раскрыть роль этих форм в процессе художественного познания, «художественного видения». В «художественном хронотопе» «время сгущается, уплотняется, становится художественно-зримым; пространство же интенсифицируется, втягивается в движение времени, сюжета, истории. Приметы времени раскрываются в пространстве, и пространство осмысливается и измеряется временем» [1]. Так, в произведениях Ч. Паланика мы наблюдаем раздвоение не только мира художественного, но и, как следствие, различие хронотопа мира живых и мира мёртвых.

Переход из мира живых в мир мёртвых для многих умерших осуществляет сам Сатана, который для живых видится как шофёр, а для мёртвых – истинным Хароном, который становится перевозчиком душ уже не в лодке, а в лимузине. Например, в романе «Проклятые» Мэдисон вспоминает, как попала в Ад, который и является антимиром: «The exact means by which I arrived in the underworld remain a little unclear. I recall a chauffeur standing curb-side somewhere, next to a parked black Lincoln Town Car, holding a white placard with my name written on it, MADISON SPENCER, in all-caps terrible handwriting. The chauffeur – those people never speak English – had on mirrored sunglasses and a visored chauffeur cap, so most of his face was hidden. I remember him opening the rear door so I could step inside; after that was a way-long drive with the windows tinted so dark I couldn't quite see out, but what I've just described could've been any one of ten bazillion rides I've taken between airports and cities. Whether that Town Car delivered me to Hell, I can't swear, but the next thing is I woke up in this filthy cell» [26, с. 9]. У Ч. Паланика из мира живых умершего забирают на лимузине, но в итоге он оказывается в грязной клетке, он не ощущает, как попал сюда и в какой момент, но ясно осознает, что он в другом мире. Момент перехода в художественном мире романов Ч. Паланика оста-

ётся размытым и нечётким, все герои будто не помнят самого изменения их статуса посредством смерти.

Момент перехода из мира живых в мир мёртвых мы наблюдаем в романе «Бойцовский клуб», где в процессе умирания ведётся обратный отсчёт: «Prepare for death in ten, in nine, in eight seconds. Death will commence in seven, six ... At night, Chloe ran around the maze of her own collapsing veins and burst tubes spraying hot lymph. <...> The overhead announcement, prepare to evacuate bowels in ten, in nine, eight, seven. Prepare to evacuate soul in ten, in nine, eight. <...> Death will commence in five. Five, four. Four. <...> Four, three. Three, two. Chloe climbs hand-over-hand up the curdled lining of her own throat. Death to commence in three, in two. Moonlight shines in through the open mouth. Prepare for the last breath, now. Evacuate. Now. Soul clear of body. Now. Death commences. Now» [27, с. 21]. Автор через Рассказчика подробно описывает процесс смерти изнутри – как наступает момент смерти, как душа бежит по венам, горлу, как тело приходит в негодность для жизни. Всё это напоминает правила по эвакуации во время катастрофы. Отличие самого первого романа Ч. Паланика «Бойцовский клуб» заключается в том, что автор не указывает статус и место персонажей после смерти и представляет нам смерть как процесс субъективный, лишённый участия сторонних персонажей (например, перевозчика). Но для персонажей смерть – это «восхитительное чудо» [28, с. 73] («the amazing miracle of death» [27, с. 106]). Эта фраза повторяется в романе несколько раз, как и постоянный обратный отсчёт. Каждый герой в своей голове постоянно ведёт этот обратный отсчёт, зная, что смерть уже дышит ему в затылок ежесекундно в этом мире.

В других ранних романах Ч. Паланика мы наблюдаем, что перевозчика как такового нет, но есть те, кто берутся решать, кому жить или умереть. Так, например, в романе «Колыбельная» есть герои, которые знают «culling song» [24, с. 31], убаюкивающую песню, которую «in some ancient cultures, they sang it to children during famines or droughts, anytime the tribe had outgrown its land. You sing it to warriors crippled in battle and people stricken with disease, anyone you hope will die soon. To end their pain. It's a lullaby» [24, с. 31]. Такую песню исполняли для тех, кто не смог бы выжить во время голодного времени, чтобы избавить детей и стариков от страданий, или раненым во время войны, избавляя их от мучений. Несмотря на такое предназначение баюльной песни, герои романа «Колыбельная» могут петь её по своему усмотрению для любого, кому желают смерти, а не в особых случаях для освобождения от страданий.

Колыбельная изменяет своих героев. Как только персонажи, находящиеся на постоянной границе между жизнью и смертью, приобретают практически божественную власть безнаказанно убивать, они качественно по-другому рефлексируют на мир живых и отчуждаются от него. Обращаясь к проблематике отчуждения, необходимо отметить, что в постмодернизме традиционные литературные законы и формы трансформируются вследствие доминирования в произведениях всеобщего хаоса и распада. Это и объясняет ту смесь времён, культур, языков, реальных фактов и вымысла, которую изображают постмодернисты. При этом смысловая нагрузка произведения теряет свой имманентный смысл и идентичность, явления действительности в произведениях часто взаимозаменяются, пародируются, снижаются до уровня фарса.

Отчуждение в таком контексте есть стремление к смерти, что характерно абсолютно для всех персонажей Ч. Паланика. Так или иначе, художественный мир в прозе Ч. Паланика функционирует под лозунгом «Memento mori», в этом мире «through the walls, you hear the laughter and applause of dead people» [27, с. 51] – «сквозь стены слышны аплодисменты и громкий смех мёртвых» [28, с. 30]. Герои романов Ч. Паланика постоянно убеждают себя, что смерть – это нечто ненастоящее: «we really won't die» [27, с. 3]. Персонажи постоянно цепляются за жизнь, пытаются жить на грани смерти, отчего сама смерть для них становится ненастоящей, искусственной: «Everyone clinging and risking to share their worst fear, that their death is coming head-on and the barrel of a gun is pressed against the back of their throats» [27, с. 12], несмотря на то, что «all of a sudden even death and dying rank right down there with plastic flowers on video as a non-event» [27, с. 12].

Следует отметить, что эпистемологически личность персонажами обретается лишь в случае понимания смерти: «only in death will we have our own names since only in death are we no longer part of the effort. In death we become heroes» [27, с. 124] – «только после смерти мы обретем свои имена, потому что после смерти мы уже не будем безымянной силой. Смерть сделает нас героями» [28, с. 88].

В художественном мире произведений Ч. Паланика осознание смерти становится фактором присутствия персонажа в пространстве как личности и условием понимания жизни. Для персонажей Ч. Паланика смерть делает жизнь лучше. Так, например, автор говорит о героине романа «Бойцовский клуб» Марле: «she never dreamed she could feel so marvelous. She actually felt alive. Her skin was clearing up. All her life, she never saw a dead person. There was no real sense of life because she had nothing to contrast it with. Oh, but now there was dying and death and loss and grief. Weeping and shuddering, terror and remorse. Now that she knows where we're all going, Marla feels every moment of her life» [27, с. 23]. Марла раньше никогда не видела мёртвых людей, поэтому не осознавала, что есть жизнь и смерть. Как только девушка узнаёт о смерти, она становится по-настоящему живой и стремится насладиться каждой секундой времени, которое ей отведено в мире досмертных.

Таким образом, смерть в художественном мире прозы Ч. Паланика трактуется как явление, характеризующееся статусным переходом и необратимым процессом, осознание которого влияет на становление героев в мире живых и мире мёртвых. Феномен смерти может во многом объяснять законы художественного мира произведений Ч. Паланика, такие как сингулярность, темпоральность, присутствие и отсутствие и др. Анализ произведений Ч. Паланика показал, что в ранних романах Ч. Паланика смерть представляется как процесс более физиологичный, имеющий анатомические подробности, но в то же время умирание – это исход души из тела. Несмотря на некоторую физиологичность процесса, автор демонстрирует сакральность смерти тела как оболочки и даже описывает возможность перехода души из тела женщины в тело мужчины (как, например, в романе «Колыбельная»). Последние романы автора отличаются тем, что показывают читателю не только жизнь и её окончание, но и продолжение жизни после смерти в Аду или среди живых.

Литература

1. Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Худож. лит., 1975. С. 234 – 407. Режим доступа: <http://philologos.narod.ru/-bakhtin/hronotop/hronmain.html> (дата обращения: 09.10.2016).
2. Денисова Е. А. Категория смерти в антропологической системе М. М. Бахтина // Теория и практика общественного развития. 2006. № 5. Т. 2. С. 83 – 86.
3. Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Наука, 2006. 466 с. Режим доступа: <http://lib.ru/HEIDEGGER/bytie.txt> (дата обращения: 20.09.2016).
4. Петровский Б. В. Популярная медицинская энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1981. 704 с.
5. Hornby A. S. Oxford Student's Dictionary of Current English. Oxford: Oxford University Press, 1984. 484 p.
6. Тресиддер Дж. Смерть // Словарь символов. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2001. С. 318. Режим доступа: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/simvol/804> (дата обращения: 12.10.2016).
7. Степин В. В. Смерть // Новая философская энциклопедия. М.: Мысль, 2000. С. 152. Режим доступа: <http://iph.gas.ru/enc.htm> (дата обращения: 10.10.2016).
8. Джери Д. Смерть и умирание // Большой социологический словарь. М.: Открытое общество, 2000. С. 713. Режим доступа: <http://www.psyoffice.ru/6-567-smert-i-umiranie.htm> (дата обращения: 12.10.2016).
9. Вербер Б. Империя ангелов. М.: Гелиос, 2006. 416 с. Режим доступа: <https://www.litmir.info/br/?b=253> (дата обращения: 01.10.2016).
10. Вознесенская Ю. Н. Мои посмертные приключения. М.: Вече, 2012. 288 с.
11. Greeley A. M. Contract with an Angel. NY.: Tor Books, 1999. 384 p.
12. Albom M. The Five People You Meet in Heaven. NY: Time Warner Books, 2003. 196 p.
13. Цуцуи Я. Преисподняя. М.: ЭСКМО, 2015. 224 с.
14. Паланик Ч. Проклятые. М.: АСТ, 2012. 317 с.
15. Паланик Ч. Обреченные. М.: АСТ, 2013. 350 с.
16. Фролов Г. А., Хабибуллина Л. Ф. К смене литературных эпох на Западе: теоретический аспект // Филология и культура. 2014. № 3(37). С. 187 – 193.
17. Лушников Г. И. Литературная пародия и языковая игра // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2009. № 7. С. 300 – 304.
18. Паланик Ч. Колыбельная. М.: АСТ, 2009. 208 с. Режим доступа: <http://www.litlib.net/bk/236/read> (дата обращения: 20.09.2016).
19. Штейнбук Ф. М. Конвергенція топосу відсутності у творах сучасної світової літератури // Слово і Час. 2014. № 4. С. 68 – 75.
20. Palahniuk Ch. Doomed. NY.: Jonathan Cape, 2013. 336 p.
21. Темирболат А. Б. Категории хронотопа и темпорального ритма в литературе. Алматы: Ценные бумаги, 2009. 504 с. Режим доступа: http://www.chronos.msu.ru/old/RREPORTS/temirbolat_ab-kategoriya_hronotopa.pdf (дата обращения: 20.10.2016).
22. Половцев Д. О. Инаковость как философско-литературная категория // Вестник МГЛУ. Серия 1: Филология. 2006. № 4(24). С. 74 – 80.
23. Сартр Ж. П. Первичное отношение к другому: любовь, язык, мазохизм // Проблема человека в западной философии. М.: Прогресс, 1988. С. 17 – 25. Режим доступа: <http://schuldichs.narod.ru/svalka/sarttr.htm> (дата обращения: 22.10.2016).
24. Palahniuk Ch. Lullaby. NY.: Doubleday, 2002. 272 p. Режим доступа: http://royallib.com/read/Palahniuk_-_Chuck/Lullaby.html (дата обращения: 20.09.2016).
25. Лихачёв Д. С. Смех как мировоззрение. Л.: Наука, 1976. 204 с. Режим доступа: <http://philologos.narod.ru/-smeh/smeh-lihach.htm> (дата обращения: 23.10.2016).
26. Palahniuk Ch. Damned. NY.: Jonathan Cape, 2011. 257 p.
27. Palahniuk Ch. Fight Club. NY.: W. W. Norton, 1996. 258 p.
28. Паланик Ч. Бойцовский клуб. М.: АСТ, 2002. 252 с.

INTERPRETATION OF DEATH IN THE CH. PALAHNIUK'S ARTISTIC WORLD

Ekaterina R. Chemezova^{1, @}¹ Academy for the Humanities and Pedagogical Sciences (branch) of the Crimean Vernadsky Federal University in Yalta, 2-A, Sevastopolskaya St., Yalta, Russia, 298635

@chemezova4@gmail.com

Received 01.12.2016.

Accepted 18.01.2017.

Keywords: phenomenon of death, artistic world, contemporary American literature, Ch. Palahniuk, post-modern novel.

Abstract: The article is devoted to the interpretation of the phenomenon of death in contemporary American literature on the example of Ch. Palahniuk's novels. The article analyzes the approaches to the phenomenon of death in different fields of knowledge such as philosophy, sociology, medicine. We describe the overview of the "life after death" theme in native and foreign literature. The place of the phenomenon of death in the artistic world and the influence of this phenomenon on the attitude of the characters to each other are in the focus of our attention. Death in the artistic world defines the characters' relations, their presence / absence on different levels of the artistic world, the process of transition from the world of the living to the world of the dead and vice versa. The process of heroes' formation in the world of the living and in the world of the dead depends on the representation of the phenomenon of death in the works of Ch. Palahniuk. The boundary between the world of the living and the world of the dead is almost invisible and the transition between the worlds is done according to certain laws of the art world, followed by the characters of the novels. This article discusses several Ch. Palahniuk's novels written in different periods of his oeuvre. The article examines the differences and similarities in the author's interpretation of the death and its significance in the early ("Fight Club", "Lullaby") and the latest ("Damned", "Doomed") novels. In the early novels of Charles Palahniuk death is a physiological process with anatomical details, but at the same time dying is the soul leaving the body. The latest novels of the author differ from the early ones as they demonstrate to the reader not only the life and its ending, but also the life after death.

For citation: Chemezova E. R. Traktovka fenomena smerti v khudozhestvennom mire Ch. Palahniuk [Interpretation of Death in the Ch. Palahniuk's Artistic World]. *Bulletin of Kemerovo State University*, 2017; (2): 216 – 222. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2017-2-216-222.

References

1. Bahtin M. M. *Voprosy literatury i estetiki* [Questions of literature and aesthetics]. Moscow: Khudozhestvennaia literatura, 1975, 234 – 407. Available at: <http://philologos.narod.ru/bakhtin/hronotop/hronmain.html> (accessed 09.10.2016).
2. Denisova E. A. Kategoriia smerti v antropologicheskoi sisteme M. M. Bahtina [Category of Death in Anthropological System of M. M. Bakhtin]. *Teoriia i praktika obshchestvennogo razvitiia = Theory and Practice of Social Development*, 2, no. 5 (2006): 83 – 86.
3. Heidegger M. *Bytie i vremia* [Being and Time]. Moscow: Nauka, 2006, 466. Available at: <http://lib.ru/-HEIDEGGER/bytie.txt> (accessed 20.09.2016).
4. Petrovskii B. V. *Populiarnaia meditsinskaia entsiklopediia* [Popular Medical Encyclopedia]. Moscow: Sovetskaia ien-ciklopediia, 1981, 704.
5. Hornby A. S. *Oxford Student's Dictionary of Current English*. Oxford: Oxford University Press, 1984, 484.
6. Tresidder J. Smert' [Death]. *Slovar' simvolov* [Dictionary of symbols]. Moscow: FAIR-PRESS, 2001, 318. Available at: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/simvol/804> (accessed 12.10.2016).
7. Stepin V. V. Smert' [Death]. *Novaia filosofskaia entsiklopediia* [New encyclopedia of philosophy]. Moscow: Mysl', 2000, 152. Available at: <http://iph.ras.ru/enc.htm> (accessed 10.10.2016).
8. Jerry D. Smert' i umiranje [Death and Dying]. *Bol'shoi sotsiologicheskii slovar'* [Big Sociological Dictionary]. Moscow: Otkrytoe obshchestvo, 2000, 713. Available at: <http://www.psyoffice.ru/6-567-smert-i-umiranje.htm> (accessed 12.10.2016).
9. Werber B. *Imperiia angelov* [Empire of Angels]. Moscow: Gelios, 2006, 416. Available at: <https://www.litmir.info/br/?b=253> (accessed 01.10.2016).
10. Voznesenskaia J. N. *Moi posmertnye priklucheniia* [My Post-mortem Adventures]. Moscow: Veche, 2012, 288.
11. Greeley A. M. *Contract with an Angel*. NY.: Tor Books, 1999, 384.
12. Albom M. *The Five People You Meet in Heaven*. NY.: Time Warner Books, 2003, 196.
13. TsutsuiYa. *Preispodniia* [Hell]. Moscow: ESKMO, 2015, 224.
14. Palahniuk Ch. *Prokhatye* [Damned]. Moscow: AST, 2012, 317.
15. Palahniuk Ch. *Obrechennye* [Doomed]. Moscow: AST, 2013, 350.

16. Frolov G. A., Habibullina L. F. K smene literaturnykh epokh na Zapade: teoreticheskii aspekt [For the Change of the Literary Epochs in the West: the Theoretical Aspect]. *Filologiya i kul'tura = Philology and Culture*, no. 3(37) (2014): 187 – 193.
17. Lushnikova G. I. Literaturnaia parodiia i iazykovaia igra [Literary Parody and Language Game]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki = Bulletin of the Tambov University. Series: Humanities*, no. 7 (2009): 300 – 304.
18. Palahniuk Ch. *Kolybel'naia* [Lullaby]. Moscow: AST, 2009, 208. Available at: <http://www.litlib.net/bk/236/read> (accessed 20.09.2016).
19. Shteinbuk F. M. Konvergentsiia toposu vidsutnosti u tvorah suchasnoi svitovoi literaturi [The Convergence of Topos of Absence in the Works of Contemporary World Literature]. *Slovo i Chas = World and Time*, no. 4 (2014): 68 – 75.
20. Palahniuk Ch. *Doomed*. NY.: Jonathan Cape, 2013, 336.
21. Temirbolat A. B. *Kategorii khronotopa i temporal'nogo ritma v literature* [Categories of Chronotope and Temporal Rhythm in the Literature]. Almaty: Tsennye bumagi, 2009, 504. Available at: http://www.chronos.msu.ru/old/RREPORTS/temirbolat_ab-kategoriya_hronotopa.pdf (accessed 20.10.2016).
22. Polovtsev D. O. Inakovost' kak filosofsko-literaturnaia kategoriia [Otherness as a Philosophical and Literary Category]. *Vestnik MGLU. Ser. 1. Filologiya = Vestnik of Moscow state linguistic University. Series 1. Philology*, no. 4(24) (2006): 74 – 80.
23. Sartre J. P. Pervichnoe otnoshenie k drugomu: liubov', iazyk, mazokhizm [The Initial Attitude to Another: Love, Language, Masochism]. *Problema cheloveka v zapadnoi filosofii* [Problem of the Person in the Western Philosophy]. Moscow: Progress, 1988, 17 – 25. Available at: <http://schuldichs.narod.ru/svalka/sartr.htm> (accessed 22.10.2016).
24. Palahniuk Ch. *Lullaby*. NY.: Doubleday, 2002, 272. Available at: http://royallib.com/read/Palahniuk_Chuck/Lullaby.html (accessed 20.09.2016).
25. Lihachiov D. S. *Smekh kak mirovozzrenie* [Laughter as a Worldview]. Leningrad: Nauka, 1976, 204. Available at: <http://philologos.narod.ru/smeh/smeh-lihach.htm> (accessed 23.10.2016).
26. Palahniuk Ch. *Damned*. NY.: Jonathan Cape, 2011, 257.
27. Palahniuk Ch. *Fight Club*. NY.: W. W. Norton, 1996, 258.
28. Palahniuk Ch. *Boitsovskii klub* [Fight Club]. Moscow: AST, 2002, 252.